

Введение

Все специалисты юридической сферы так или иначе связаны с юридическим общением, профессиональным (чаще судебным) красноречием. Поэтому курс по культуре юридической речи актуален. Поэтапное и последовательное выполнение упражнений поможет обучающимся обращать внимание на устную речь окружающих, соотносить их ошибки в публичных выступлениях с собственной речью, осуществлять внутреннее ее регулирование и таким образом достигать нормативно-правильной речи, положительно воздействующей на получателя информации.

Со времен М.В. Ломоносова грамматика, ораторское искусство (красноречие) и стихотворчество (поэтика) рассматривались в качестве показателей уровня культурного развития народов. При этом выдающиеся отечественные и зарубежные лингвисты (Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Пражский лингвистический кружок, Э. Косерио и др.) придавали особое значение вопросам культуры речи, вопросам риторики. Сейчас вопросам теории построения речи, психологии общения уделяют внимание многие: ученые-филологи, педагоги, политики, юристы, экономисты и многие другие.

К числу приоритетных направлений деятельности прокуратуры в условиях судебной и правовой реформы в Российской Федерации относится поддержание государственного обвинения. В связи с этим особую значимость приобретает умение прокурора подготовить и произнести качественную судебную речь, отвечающую высоким критериям профессионализма и публичности.

Психологи¹ обращают внимание на одну особенность: в профессиональном общении прокурорского работника не всегда имеет место потребность в совместной деятельности (например, когда речь идет о допросе злостного рецидивиста или недобросовестного свидетеля), поскольку общение происходит зачастую не в условиях взаимодействия, а, наоборот, противодействия. Это провоцирует у работника эмоционально-психологические перегрузки, отрицательно влияющие и на продуктивность в деятельности, и на физическое, и психологическое самочувствие работника. Вот почему важно формировать у будущих работников органов прокуратуры готовность к деятельности в условиях противодействия, психологического прессинга. Очевидно, что специального образования, полученного в высшем учебном заведении недостаточно для успешной деятельности, связанной с постоянным общением. Молодым работникам необходимо знать о предстоящих трудностях, постоянно стремиться к профессиональному развитию, профессиональному росту, воспитывая в себе эмоциональную устойчивость, психологический иммунитет против негативного влияния, в общем -

¹ Габдреев Р.В. Методология, теория, психологические резервы инженерной подготовки. – М.: Наука, 2001; Зарипова Г.А. Психология общения в профессиональной деятельности прокурорского работника: учебно-методическое пособие для прокурорских работников. – Казань, «Мастер Лайн», 2004. – 204 с.

формировать психологическую культуру работника органов прокуратуры, в том числе - «уровень культуры общения».

Анализ причин увольнений молодых специалистов прокуратуры Республики Татарстан свидетельствует о том, что у абсолютного большинства уволившихся диагностировались такие индивидуально-психологические особенности, как отсутствие гибкости и дипломатичности в межличностных контактах, трудности в налаживании отношений, конфликтность, излишняя категоричность и прямолинейность, отсутствие эмпатии (особый способ понимания другого человека, способность сочувствовать и сопереживать), а также замкнутость, неловкость в общении, субъективизм в оценках окружающих людей.

Не секрет, что многие специалисты юридической сферы страдают от недостатка навыков речевой культуры. Эти навыки существенно влияют на психологию общения.

Речевая культура предполагает не только соблюдение требований норм русского языка (произносительных, орфографических, стилистических и др.), но и владение умениями связной речи, то есть умениями строить правильный юридический текст в письменной или устной форме.

Неумение строить текст не позволяет юристу реализовать коммуникативную функцию речи: речь не слушается, не понимается, информация не перерабатывается.

Целью учебного пособия по теории и практике ораторского искусства является совершенствование:

- навыков понимания юридических текстов на уровне их лексического, синтаксического, стилистического оформления;
- умений письменной деловой коммуникации;
- навыков строить доклад по критериям речевой культуры;
- умений проводить совещания с соблюдением норм речевого этикета;
- навыков грамотно оформлять текст в системе современных аудиовизуальных средств.

По каким направлениям может идти развитие ваших речевых способностей? Таких направлений можно выделить три:

1) анализ классических образцовых речей и литературных отрывков; чтение, декламация этих речей для тренировки правильной и выразительной фонации;

2) отработка техники речи, связанной с тренировкой дыхания, правильного темпа и ритма, интонирования, богатства тембров;

3) составление и произнесение публичных выступлений на темы, связанные с самопредставлением, а также проблемы этико-нравственного, социального характера.

Помните, что в основе любого публичного выступления лежит умение строить текст. Надо признаться, что людей, умеющих строить текст, не так уж много. Те из них, которые имеют этот дар («дар текстообразования»), как правило, и становятся писателями, талантливыми педагогами, известными политическими деятелями и т.д.

Но овладеть текстом можно не только с помощью дара. Исторический опыт убеждает в том, что многие известные люди - политики, юристы, педагоги, публицисты - достигали вершин речевого мастерства долгим, упорным трудом. И вообще правильный текст выступления - это результат больших усилий даже для одаренных людей.

Не думайте, что если у вас были приличные оценки - «хорошо» или «отлично» за реферат, курсовую или дипломную работу, то вы умеете строить текст. К сожалению, во многих «отличных» работах текст получается не всегда: редко прослеживаются характерные для правильной речи закономерности межфразового, структурно-смыслового, ритмического характера. В результате страдает главное - коммуникативная установка речи, т.е. установка на восприятие, понимание текста читающим (слушающим), установка на получение от читающего или слушающего текст ответной реакции (одобрения, сочувствия, восхищения, сопереживания, наконец, просто согласия или несогласия).

Овладение риторическим мастерством - это овладение не только монологом, но и диалогом. А для того чтобы им овладеть, надо научиться воспринимать диалог как единство, надо научиться воспринимать его интонацию, тон, силу.

Занятия риторикой предполагают систематическую **самостоятельную** кропотливую работу над текстом речи, методикой его оформления и произнесения.

Надо научиться осуществлять в речи три этапа:

1. Постепенное создание в группе (аудитории, перед которой предстоит выступать) атмосферы эмпатии (понимания, сочувствия, сопереживания), атмосферы, которая поможет установить «коммуникативный мост» между оратором и слушателями. Создание такой атмосферы полностью зависит от коммуникативных (речевых) умений выступающего: умений улавливать настроение слушателей, угадывать их мысли, предвосхищать логику их рассуждений, говорить, располагая к себе слушателей и т.д.

2. Построение ситуации «ожидания эффекта неожиданного», ситуации, позволяющей захватить внимание аудитории (класса). Такая ситуация должна создаваться тоже постепенно. Она приближает содержание речи к жизни: жизнь человека состоит из неожиданных поворотов, при этом и сознание и подсознание нацелены на то, чтобы фиксировать в жизни неожиданные повороты, причем неожиданные во всем: в судьбе человека, в сюжете произведения, в логике исследования, в доказательстве и т.д.

3. Создание ситуации коммуникативного ядра общения, позволяющего включиться в осмысление (решение) проблемы всем слушающим. Под коммуникативным ядром общения обычно понимают проблемные ситуации. Коммуникативных ядер может быть несколько. Однако ситуации коммуникативных ядер должны быть не надуманными, а естественными, они должны правильно отражать содержание того, о чем надо сказать. Для этого надо хорошо продумать проблему (противоречие между тем, что есть, и тем, что должно быть), проблему, которую должен раскрыть выступающий, слушатели, или выступающий и слушатели вместе.

Интеллект (знания), мышление, речь - вещи очень взаимосвязанные. Ведь они проявляются в риторических способностях человека, в его риторическом мастерстве. Вот как описал случай в гимназии М. Агеев (см.: Роман с кокаином. - М.: Худ. лит., 1990):

... Был урок немецкого языка... . Встав у доски, Буркевиц хотел было отвечать, как вдруг случилось с ним нечто в высшей степени неприятное. Зачихнул, но чихнул так несчастливо, что из носа его вылетели брызги и, качаясь, повисли чуть ли не до пояса.

Весь класс заревел от хохота, и Буркевиц, растерянный и ужасно жалкий, выбежал в коридор. (...).

Только спустя несколько месяцев мы поняли, до чего жесток, несправедлив и неуместен был этот хохот.

Дело в том, что, когда случилась эта неприятность с Буркевицем, он в класс не вернулся, а на следующий день явился с чужим, с деревянным лицом. С этого дня класс перестал для него жить, он будто похоронил нас, и, вероятно, и мы бы спустя короткое время о нем бы забыли, если бы уже через неделю-другую и нами, и преподавателями не было бы замечено нечто чрезвычайно странное.

Странность же эта заключалась в том, что Буркевиц, троечник и двоечник Буркевиц, начал вдруг неожиданно и крепко сдвигаться с середины классного копыта, и, сперва очень медленно, а потом все быстрее и быстрее, двигаться по этому копыту в сторону отличников Айзенберга и Штейна. (...).

К концу учебного года (история с чихом приключилась в январе) он был уже близ Айзенберга, хотя с тем же деревянным лицом и ни с кем не прощаясь, прошел в раздевальню, мы все же никак не предполагали, что станем свидетелями трудной борьбы, борьбы за первенство, которая завяжется с первых же дней будущего учебного года.

Борьба началась с первых же дней. С одной стороны Василий Буркевиц, - с другой Айзенберг и Штейн. На первый взгляд борьба эта могла показаться бессмысленной: и Буркевиц, и Айзенберг и Штейн не имели, кроме пятерок, других отметок. И все же шла борьба, напряженная и жаркая, и причем борьба эта шла за ту невидимую надбавку к пятерке, за то наивысшее перерастание этой оценки, которое, хотя и нельзя было изобразить в классном журнале, но которое остро чувствовалось и классом и преподавателями, и которое поэтому служило тем хвостом, длиной коего определялось первенство.

С особенной внимательностью относился к этому соревнованию преподаватель истории, и случалось даже так, что в течение одного урока он вызывал подряд всех троих: Айзенберга, Штейна и Буркевица. Никогда не забыть мне этой электрической тишины в классной комнате, этих влажных, жадных и горячих у всех глаз, этого затаенного и потому тем более буйного волнения, и кажется мне, что совершенно также переживали бы мы бой быков, когда бы были лишены возможности криками высказывать наши чувства.

Сперва выходил Айзенберг. Этот маленький честный труженик знал все. Он знал все, что нужно, он знал больше этого, даже свыше того, что от него

требовалось. Но в то же время, как знания, которые от него требовались текущим уроком, выражались хоть и в безукоризненном, хоть и в точном, хоть и в безошибочном, - но все же не более, как в сухом перечне исторических событий, - так равно и те знания, которые от него вовсе не требовались, и коими он желал блеснуть, выражались лишь в забегании вперед в хронологическую даль еще не пройденных уроков.

Потом быстро, как всегда, выходил Штейн, скривив всю комнату своей кривой фигурой. Снова тот же вопрос, что и Айзенбергу, и Штейн начинал мастерски барабанить. Это был уже не Айзенберг, с его глотаниями слюны и корявыми «мте», которыми тот начинал свои красные строки. В некотором смысле то, что давал Штейн, было даже блестяще. Он трещал, как многосильный мотор, обильные летели искры иностранных слов, не замедляя речи, как хорошо подстроенные мосты, проносились латинские цитаты, и чеканный его выговор доносил до наших ушей все, позволяя приятно отдыхать, ничуть не заставляя вслушиваться или напрягаться, и в то же время не давая выплеснуться в пустоту ни единой звуковой капле. В довершение ко всему, уже заканчивая, Штейн в блестящем резюме своего рассказа давал нам прозрачно понять, что он, Штейн, человек нынешнего века, хоть и рассказывает все это, однако, на самом деле только нисходит и относится свысока к людям минувших эпох. Что он, к услугам которого имеются теперь и автомобили, и аэропланы, и центральное отопление, и международное общество спальных вагонов, считает себя в полном праве смотреть свысока на людей времен лошадиной тяги, и что если он и изучает этих людей, так разве уж для того, чтобышний раз увериться в величии нашего изобретательского века.

И, наконец, Василий Буркевиц, и снова тот же вопрос, что и первым двум. С первых слов Буркевиц разочаровывал. Уж как-то очень сухо намечал он дорогу своего рассказа, и уши наши были избалованы и ждали штейновского чеканного барабана. Но уже после нескольких оборотов Буркевиц, как бы невзначай, упоминал мелкую подробность быта той эпохи, о которой рассказывал, словно вдруг замахнувшись швырял пышную розу на горбы исторических могил. После первой бытовой черты следовали также одиноко, как капля перед грозой, вторая, и потом третья, и потом много, и наконец, уже целым дождем, так что в развитии событий он все медленнее и трудней продвигался вперед. И старые могилы, словно разукрашенные легшими на них цветами, уже казались совсем недавними, еще незабытыми, свежеврытыми, вчерашними. Это было начало.

Но лишь только в силу этого начала приближались к нам, подъезжали к нам вплотную и старые дома, и старые люди, и деятельность старых эпох, как тотчас опровергалась штейновская точка зрения, возвеличившая нынешнюю эпоху над миновавшей-де потому, что для расстояния, одолеваемого нынче люксамэкспрессом в двадцать часов, потребовалось бы в то далекое время лошадиной тяги больше недели. Ловким, мало напоминающим предумышленность оцеплением сегодняшнего и тогдашнего быта, Буркевиц, не утверждая этого, все же заставлял нас понять, что Штейн заблуждается. Что отличие между людьми, жившими во времена лошадиной тяги и живущими

теперь, в эпоху технических усовершенствований, - отличие, которое, как полагает Штейн, дает ему, человеку нынешнего века, право возвеличивать себя над людьми миновавших эпох, - в действительности вовсе не существует, - что никакого отличия между человеком нынешней и прошлой эпохи нет, что, напротив, всякое различие между ними отсутствует, и что именно отсутствием отличия и объясняется поразительное сходство человеческих взаимоотношений и тогда, когда расстояние одолевалось за неделю, и теперь, когда оно покрывается в двадцать часов. Что как теперь очень богатые люди, одетые в дорогие одежды, едут в международных спальнях вагонов, - так и тогда, хотя и иначе, но тоже очень богато одетые люди ехали в шелками обитых каретах и укутанные соболями; что как теперь есть люди, если не очень богатые, то все же очень хорошо одетые, едущие во втором классе, цель жизни которых - это добыть возможность поездок в спальном вагоне, так и тогда были люди, ехавшие в менее дорогих экипажах и укутанные лисьими шкурками, цель жизни которых состояла в том, чтобы приобрести еще более дорогую карету, а лисы сменить соболями; что как теперь есть люди, едущие в третьем классе, не имеющие чем заплатить доплату за скорость, и обреченные страдать от жестких досок почтового, так и тогда были люди, не имеющие ни денег, ни чина, потому тем дольше кусаемые клопами смотрительского дивана; что, наконец, как теперь есть люди, голодные, жалкие, и в лохмотьях, шагающие по шпалам, так и тогда были люди такие же голодные, такие же жалкие, в таких же лохмотьях бредущие по почтовому тракту. Давно уже сгнили шелка, развалились, рассохлись кареты, и сожрала моль соболя, а люди словно остались все те же, словно и не умирали, и все так же мелко гордясь, завистничая и враждуя, взошли в сегодняшний день. И не было уже штейновского игрушечного прошлого, умаленного нынешним паровозом и электричеством, потому что придвигаемое к нам буркевицевской силой это прошлое принимало явственные очертания нашего сегодняшнего дня. Но снова переходя к событиям, снова вводя в них бытовые черты, сличая их с характерами и действиями отдельных лиц, Буркевиц упорно и уверенно гнул в нужную ему сторону. Эта кривая его рассказа, после многих и режущих сопоставлений, нисколько не вступая в утверждение и потому приобретая еще большую убедительность, сводилась к тому выводу, которого сам он не делал, предоставляя его сделать нам, и который заключался в том-де, что в прошлом, в этом далеком прошлом - нельзя не заметить, нельзя не увидеть возмутительную и кощунственную несправедливость: несоответствие между достоинствами и недостатками людей, и облегающими их, одних соболями, других лохмотьями. Это в прошлом. На настоящее он уже не намекал, словно крепко зная, как хорошо, как досконально известно нам это возмутительное несоответствие в нашем сегодня. Но паутина уже сплетена. По ее путанным, стальным и неломаящимся прутьям, по которым все мы уверенно шли, не могли не идти вслед за Буркевицем, - мы приходили к непоколебимой уверенности в том, что как прежде, - во времена лошадиной тяги, так и теперь во времена паровозов, - жить человеку глупому легче, чем умному, хитрому лучше, чем честному, жадному вольготней, чем доброму, жестокому милее, чем слабому, властному

роскошней, чем смиренному, лживому сытнее, чем праведнику, и сластолюбцу слаще, чем постнику. Что так это было, и так это будет вечно, пока жив на земле человек.

Класс не дышал. В комнате было чуть не тридцать человек, а я отчетливо слышал, как цокали запрещенные начальством часы в кармане соседа. Историк сидел на кафедре, шурил рыжие ресницы в журнал, изредка так морщась и поскребывая всей пятерней бородку, словно говорил: - вот так гусь лапчатый.

Буркевиц заканчивал свой рассказ напоминанием о той болезни, которая, развиваясь много веков, постепенно охватывала человеческое общество, и которая, наконец, теперь, в нынешнюю эпоху технических совершенствований, уже повсеместно заразила человека. Эта болезнь - пошлость. Пошлость, которая заключается в способности человека относиться с презрением ко всему тому, чего он не понимает, причем глубина этой пошлости увеличивается по мере роста никчемности и ничтожества тех предметов, вещей и явлений, которые в этом человеке вызывают восхищение.

И мы понимали. Это был меткий камень в штейновскую сторону, который как раз в это время что-то усиленно разыскивал в парте, зная, что теперь все глаза обращены на него.

Но понимая, в кого брошен камень, мы также понимали и нечто другое. Это другое заключалось в понимании того, что эта, казалось бы безнадежная, веками налаженная несправедливость людских отношений, о которых намеками рассказывал Буркевиц, нисколько не повергает его самого ни в уныние, ни в бешенство, а является как бы тем горючим, нарочно для него приготовленным веществом, которое, вливаясь в его нутро, не дает разрушающего взрыва, а горит в нем ровным, спокойным и шибким огнем. Мы смотрели на его ноги в стоптанных нечищенных ботинках, на потертые брюки с неуклюже выбитыми коленями, на его шарами налитые скулы, крошечные серые глаза и костистый лоб под шоколадными вихрами, и чувствовали, чувствовали непреодолимо и остро, как бродит и прет в нем страшная русская сила, которой нет ни препон, ни застав, ни заград, сила одинокая, угрюмая и стальная.

Эта борьба между Буркевицем, Штейном и Айзенбергом, которую Штейн язвительно окрестил борьбой белой и грязной розы, эта борьба, в которой чрезвычайный перевес Буркевица чувствовался решительно всеми, закончилась. (...).

Как видим, отрывок наглядно иллюстрирует большое значение обозначенных нами этапов подготовки речи, этапов, связанных с **личностным** началом выступающего. Постарайтесь отработать эти этапы в практике своей речевой деятельности, постарайтесь стать **личностью**. Удачи вам! Удачи в будущих «ораторских дуэлях»!